

Я. К. Грот

**Карамзин в истории русского
литературного языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. К. Грот**
Карамзин в истории русского литературного языка / Я. К. Грот – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 59 с.

ISBN 978-5-458-09640-9

Произведение Якова Карловича Грота (1812—1893) — российского фило-
лога, которое содержит исследования по русской грамматике и лексикологии.

ISBN 978-5-458-09640-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность“. По развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы рѣшить во всей подробности вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ подготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журналомъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они гдѣ-нибудь приведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли придалъ имъ полноту и опредѣленность? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зараждаются у многихъ вдругъ, носятя въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполне, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе вырабатывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе,

до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало по малу уступалъ вліянію народнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и привелъ это явленіе въ сознаніе общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія. Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ-называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и „описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ“¹⁾. Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно идти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: во-первыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и во-вторыхъ, чуждый синтаксическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной обиходной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, на примѣръ, въ *Живописецѣ* Новикова мы читаемъ: „Желалъ бы я чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ!“ Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такаа: „Естьли какое находить она препятство къ тому, чтобъ

---

¹⁾ Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ.*

нарешился ей за превосходныя свои совершенства несравненною подь солнцемъ странною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ“¹⁾). Не значить ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выражений, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московского Журнала*.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и орѳографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его биографомъ прибавимъ: „Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ“²⁾). Мало того, и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: „Самая развязка не иное что есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія она прекрасна, еслии смотрѣть и судить ее одное; но излишна, еслии взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большой хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!“³⁾). Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ Крыловъ

¹⁾ *Жизописецъ*, изд. VII, стр. 83.

²⁾ Плетневъ — «Полное собр. соч. И. Крылова», Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

³⁾ *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ Юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журналовъ. Такъ и въ приведенныхъ мною строгахъ сдѣлано въ названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одное* — *одну*, вмѣсто *противу положенныхъ* — *противоположенныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отдалъ онъ*, напечатано: «герой нашъ лѣтъ

никогда не могъ вполне освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, вырабатанныхъ писателями Карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзывать латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ, Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: „Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои вѣтъ большую дверь въ славѣ отворяють, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосеенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограничентъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосеены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ“¹⁾. Въ „Словѣ на выздоровленіе великаго князя“, въ „Описаніи житія графа Н. И. Панина“, даже въ „Чистосердечномъ признаніи“ встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ по крайней мѣрѣ въ известномъ смыслѣ, какъ напримѣръ, *уражаться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: „... Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *уражаться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *уражаться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *ураженіе* для меня нуждою: то и рѣшился и издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою“²⁾. Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Вѣлинскаго, что хотя

15-ти былъ отданъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время*, — «если и безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать»; вмѣсто: *только то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч. Страсть къ подновленію текста Крылова доходила до того, что названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этомъ*.

¹⁾ Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 248.

²⁾ Соч. Ф.-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употребилъ слово *уражаться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно подучило у него болѣе тѣсное значеніе.

„языкъ Фонъ - Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ - Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы“¹⁾. Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянскаго примѣся. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина, большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражалось гораздо хуже Ломоносова, и не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не убереглись даже многіе изъ профессоровъ Московскаго университета не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго снѣгакенса²⁾.

Такимъ-то образомъ въ исходѣ XVIII столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ гениальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самыя писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были,

¹⁾ Соч. Виллинскаго, VIII, стр. 136. — Позволю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Слѣб. Вѣдом.* 1848 г. № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

²⁾ См. образчики въ Приложеніи I (ниже, на стр. 65).

при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ¹⁾, въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе, Это — *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ²⁾. Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка³⁾. Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина⁴⁾. Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ священника, учился сперва въ

¹⁾ Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. XXI Юнгмейстера изданіи) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

²⁾ Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ Смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло только въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

³⁾ Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ*; но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

⁴⁾ Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. „Казалось“, замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году¹⁾, „что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ“ Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Инокрена или утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Она въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ „учитель російскаго стіля“, потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покойщійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитриевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитриева, когда печатался *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ²⁾ Владиміръ Измаиловъ говоритъ: „... Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать російскую словесность и выдавалъ тогда *Московский Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердець сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало раз-

¹⁾ *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.* ч. III, стр. 64.

²⁾ *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

стояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и зависти, отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходящѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!“ При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-нравоучительнаго характера, при обилии бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и нестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно слѣдуетъ самыя объявленія объ изданіи *Московского Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* ¹⁾. Объявленіе Карамзина извѣстно ²⁾; о *Чтеніи* было возвыщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго году при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей*, по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствоваться опытомъ вкуса читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать ничего не опустятъ, чтобы листы сіи принесли удовольствіе и пользу читателямъ всякаго роду и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склонностямъ его“ ³⁾. Какой способъ из-

¹⁾ Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд.* 1790 г. № 88 (2-го ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6-го ноября).

²⁾ Оно недавно перепечатано въ книгѣ г. Погодина: см. его *Карамзинъ*, ч. 1, стр. 170.

³⁾ Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25-го декабря, перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями: тутъ два-три выраженія исправлены, напр. вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать*, вмѣсто: *доброе времяпровожденіе* — *пріятное времяпровожденіе*.

ложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому и пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи „День“, которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: „Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! koliko ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь, въ сей мрачной юдоли“. Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московского Журнала*: это — знаменитое письмо „Русскаго Путешественника“ изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ такимъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* „Отрывокъ чувствительнаго путешествія“ (ч. 1, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: „Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ или хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывести дѣла свои изъ мрака?“ Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, дажѣ, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, но нигдѣ нѣтъ языка выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы видимъ рѣчи вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московского Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вонедная въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обзорѣ литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Сиб. 1810, стр. XV), замѣчено: „Изъ Россіи Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналь*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашель онъ себѣ многихъ преемниковъ“ Замѣтимъ однакожъ, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они не выдерживаютъ сравненія съ разборомъ Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ осо-

бенное вниманіе на языкѣ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности пден и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частвицы: *какъ бы, колико, дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: „Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ *голыми претолковниками NN, иже отръвають все, сже есть Руское, и блещаютъ блаженнь сїаніемъ славяномудрїа*“¹⁾. Кого разумѣлъ Карамзинъ подъ *голыми* (то-есть, великими) *претолковниками*? Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскія реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами* между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго²⁾. Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассессоръ Матвѣй Нахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и перевели общими силами „Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады“; послѣднимъ переведены сверхъ того „Разговоры Лукіана Самосатскаго“ и „Творенія велемудраго Платона“ Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *такъ мнѣ глаголющу, возставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780-хъ годовъ намекалъ, можетъ-быть, другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: „...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами“³⁾. Итакъ, мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *голыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Мо-*

¹⁾ *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112.—Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. въ Прилож. II (стр. 67).

²⁾ *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же стр. 45.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.